

ВОКРУГ СВЕТА

3 1965
МАРТ

Джон Диксон Карр

Аннотация

Джон Диксон Карр – американский классик детективного жанра, «вечный соперник» великой Агаты Кристи. Напряженная интрига, парадоксальное развитие событий, неожиданная развязка «невозможного» преступления – характерные особенности произведений Дж. Д. Карра.

Конан Дойл часто получал письма, адресованные Шерлоку Холмсу, с описанием уголовных дел и с просьбой помочь.

Однажды вечером Конан Дойл выбрал из стопки писем толстый конверт, набитый вырезками из газет. Вырезки относились к уголовному делу, завершённому три года назад. Дело выглядело таинственным, сенсационным.

Если в письме все было правдой, то дело требовало, конечно, нового расследования.

Если в письме все было правдой, то дело требовало, конечно, нового расследования.

Давайте же внимательно ознакомимся с обстоятельствами этого загадочного дела.

Мальчик, спешивший на работу в город, увидел в поле лошадь. Лошадь лежала в луже крови. Живот был вспорот.

Потом приехали полицейские. Двадцать полицейских, созванных со

всего графства, бросились прочесывать окрестные поля и кустарники... И понятно: это был восьмой случай за полгода.

Между февралем и августом 1903 года восемь коров и лошадей были убиты каким-то маньяком. Полиция получила около сотни издевательских писем. В письмах смаковали резню, и одно из них заканчивалось словами: «Веселые времена наступят в Вирли к ноябрю. Мы примемся за маленьких девочек – каждая стоит двадцати лошадей».

Угроза устроила ужас, охвативший деревню. И вот 18 августа еще одна лошадь... Кто-то сделал это, хотя двадцать полицейских день и ночь патрулировали окрестные поля.

И тогда инспектор Кэмпбелл принял решение.

Инспектор Кэмпбелл верил, как верили и все его коллеги, что знает, кто во всем виновен. В полумиле от места происшествия стояла церковь. Туда и пошли инспектор и его люди. Там они надеялись найти доказательства, достаточные, чтобы арестовать сына священника.

Здесь необходимо заметить, что Шапурджи Эдалджи, священник тамошнего прихода, был парсом, выходцем из Индии. И потому казался обывателям подозрительным человеком.

Священник Шапурджи Эдалджи был женат на англичанке. Их старший сын – двадцатисемилетний Джордж Эдалджи, юрист по образованию, работал в Бирмингеме. Каждое утро в семь тридцать он уезжал поездом на работу и в половине седьмого вечера возвращался в деревню. Джордж был худ и темнокож. Он с отличием окончил университет и был известен как автор весьма толковой книги о железнодорожном праве. Достоинства и способности молодого парса делали его в глазах обывателей человеком опасным.

– И не странно ли, – шептались в кабачке. – Не пьет и не курит. И не замечает тебя. Вот так. Смотрит и не замечает. А помнишь, прошлый раз?..

Несколько лет назад, когда Джордж еще учился в школе, по округе прокатилась волна подметных писем. В письмах ругали священника и его семью. Особенно доставалось Джорджу. От имени священника в газетах помещали глупые объявления. Непристойные открытки, подписанные его именем, рассылались другим священникам графства. Преследование парса продолжалось три года. Местные полицейские власти делали вид, что ничего не замечают. Это и понятно. Главный констебль графства, капитан Энсон, был твердо уверен, что все «черные» хуже скотины. Энсон утверждал, что автором анонимок был Джордж Эдалджи.

И на протесты священника однажды ответил: «Надеюсь, ваш сын получит свое».

В конце 1895 года поток писем прекратился. Семь лет в Грейт Вирли все было спокойно – и вот...

– Джордж Эдалджи, – без колебаний заявили полицейские.

Таково было положение вещей к 18 августа, когда инспектор Кэмпбелл отправился к дому Эдалджи.

– Покажите мне одежду сына, – приказал Кэмпбелл. – А также оружие, которым он это делает.

Весь дом был перерыт, но полиции не удалось найти ничего, кроме четырехбритвенных лезвий, принадлежавших священнику. Нашли они также ботинки и плащ Джорджа, запачканные грязью.

– Плащ мокрый, – сказал Кэмпбелл.

Священник потрогал плащ и заявил, что плащ совершенно сух.

– Но тогда на нем лошадиные волосы, – сказал Кэмпбелл.

– Покажите хоть один, – возмутился священник.

– Я не обязан, – ответил Кэмпбелл и передал плащ одному из полицейских.

Как впоследствии указывал Конан Дойл, полиция не предъявила ни одного волоска, снятого с плаща в присутствии свидетелей.

Плащ полицейские положили в один сверток со шкурой убитой лошади и послали в суд. Плащ поступил к экспертам, и те без труда обнаружили на нем множество волос и пятен.

Это был единственный козырь полиции.

Вечером того же дня Джордж был арестован.

– Я и не удивляюсь, – сказал Джордж по пути в тюрьму. – Я этого давно ожидал.

Эти слова были записаны и фигурировали на процессе как свидетельство признания Джорджем своей виновности.

– Что вы делали вчера вечером? – спросили Джорджа.

– Я вернулся домой в половине седьмого. Несколько человек видели меня. Весь день

шел дождь, и я промочил ботинки. (Впоследствии Конан Дойл обратит внимание на то, что ботинки Джорджа были в черной грязи деревенской дороги, а не в желтой глине поля.) Я поужинал и отправился спать. Я сплю в одной комнате с отцом. Я не покидал спальни до утра.

Отец Джорджа подтвердил это.

Как только новость об аресте Джорджа распространилась по деревне, никто уже не сомневался, что именно он преступник. Чтобы толпа не линчевала «черного», полиция переправила арестованного в центр графства. Толпа пыталась вытащить Джорджа из полицейской кареты.

«Множество теорий бытует в округе относительно целей убийства скота. Однако самая популярная из них, – писал репортер бирмингемской газеты „Экспресс энд Стар“, – заключается в том, что молодой Эдалджи приносил лошадей и коров в жертву своим языческим богам». 20 октября 1903 года состоялся суд.

Решающее впечатление на присяжных произвели отпечатки следов преступника. Полицейский сравнил следы, оставленные преступником, с отпечатками ботинок Джорджа. Правда, на земле было множество следов, поэтому остается загадкой, как полицейский умудрился найти там единственный нужный ему след. Но все-таки полицейский нашел нечто. (Когда автор Шерлока Холмса читал это место судебного отчета, он не мог удержаться от смеха.) Полицейский вдавил в грязь рядом с трупом лошади ботинок Джорджа и таким образом достиг сразу двух целей. Получил отпечаток следа Джорджа и испачкал ботинок желтой грязью. Потом полицейский измерил оба отпечатка и убедился, что они одинаковой длины.

– Были ли сфотографированы отпечатки?

– Нет, сэр.

– Были ли сделаны с них слепки?

– Нет, сэр.

– А где же вещественные доказательства?

– Мое слово.

– Каким образом вы измеряли длину следов?

– Палочкой. И когда ее не хватило, соломинкой.

В это время в деревне Грейт Вирли была найдена еще одна зарезанная лошадь. Джордж сидел в тюрьме, и обвинить его в преступлении было невозможно. В ноябре еще одна... Тем не менее Джордж был приговорен к семи годам строгого заключения.

А жизнь в деревне шла своим чередом. Кто-то резал лошадей. Кто-то продолжал писать подметные письма... В 1906 году, через три года, двери тюрьмы, в которой был заключен Джордж, открылись. Джорджа выпустили. Нет, его не оправдали. Никто не сказал ему, почему он был отпущен на свободу. Он оставался под наблюдением полиции, и обвинение не было с него снято. Что же послужило причиной такого решения?

Тысячи англичан штурмовали правительство петициями, требуя пересмотреть дело Эдалджи. В защиту Джорджа выступили и некоторые органы печати. Дело получило широкую огласку за рубежом. Однако министерство внутренних дел не ответило ни на одну петицию. И когда Джорджа выпустили из тюрьмы, никакого заявления в этой связи сделано не было.

– Что же мне теперь делать? – спрашивал в отчаянном письме к Конан Дойлу Эдалджи. – Из списков юристов я вычеркнут. Да и вряд ли я могу вернуться к своей профессии, находясь под гласным надзором полиции. Я хочу получить ясный ответ – виновен я или нет? И не получаю никакого ответа.

Расследование дела Эдалджи, которое предпринял Конан Дойл, потребовало от писателя восьми месяцев напряженной работы. Он отложил в сторону все свои дела, сам оплачивал все издержки, связанные с расследованием.

«Или человек виновен, или нет, – писал Конан Дойл. – Если виновен, он заслуживает того, чтобы провести в тюрьме все семь лет, на которые осужден. Если нет, то он должен быть не только освобожден, но и полностью оправдан».

Впервые Конан Дойл встретился с Джорджем в январе 1907 года.

– Одного взгляда на Джорджа Эдалджи, – заявил после этого Конан Дойл, – было достаточно, чтобы полностью убедиться в том, что он не виновен в приписываемых ему преступлениях. Когда я увидел его, он читал, приблизив газету к глазам, глядя на нее немного вбок, что доказывало...

Писатель подошел к Джорджу, протянув ему руку, представился и спросил:

– Мистер Эдалджи, вы случайно не страдаете астигматической миопией?

Нам трудно судить о чувствах молодого юриста, ибо вряд ли он мог предполагать, что

именно такими будут первые слова знаменитого писателя. Однако Конан Дойл продолжал:

– Я по образованию врач. Мне показалось, что у вас ясно выраженный астигматизм, сопровождаемый близорукостью. Вы не носите очков?

– Нет. Я был у специалистов, но они не смогли подобрать мне очки. Они сказали...

– Поднимался ли вопрос о вашей болезни на суде?

– Сэр Артур, – ответил Джордж, – я хотел пригласить окулиста в качестве свидетеля, но мой адвокат сказал, что улики против меня настолько смехотворны, что никаких свидетелей не понадобится.

Никаких сомнений больше у Конан Дойла не осталось. Ведь Джордж плохо видел и днем. Ночью же, в поле, он был бы беспомощен. Представить себе этого человека крадущимся ночью по полям невозможно.

И все-таки Конан Дойл немедленно отправился с Джорджем к известному окулисту. Врач обнаружил у Джорджа близорукость в восемь диоптрий. 11 января первая часть «Дела Джорджа Эдалджи» появилась на страницах «Дейли телеграф» за подписью Конан Дойла. Писатель подробно разбирает свидетельства обвинения и доказывал, что они не имеют никакого отношения к правосудию.

Конан Дойл писал: «Если возможно извинить чувства темных обывателей, внушенные цветом кожи Эдалджи, то значительно труднее извинить главного констебля. Это, – продолжал Конан Дойл, – повторение дела Дрейфуса. Капитан Дрейфус во Франции был сделан козлом отпущения, потому что был евреем. Эдалджи был сделан козлом отпущения в Англии, потому что он парс. Англия, которая привыкла гордиться тем, что она свободная страна, была возмущена до глубины души, узнав о деле Дрейфуса, о том, что такое может случиться во Франции. А почему же мы молчим, когда подобное случается у нас?»

«Правительство захлопнуло дверь перед лицом правосудия, – заканчивал статью писатель. – И теперь я обращаюсь к последней инстанции трибунала, трибунала, который никогда не должен ошибаться. Я обращаюсь к народу Великобритании с вопросом: неужели мы потерпим такое в нашей стране?» На следующий день вся страна говорила об Эдалджи. Газета была завалена самыми противоречивыми откликами. Крупнейшие специалисты по уголовному праву требовали нового расследования. Министр внутренних дел был вынужден заявить, что дело Эдалджи «будет внимательно рассмотрено». Однако эти слова оставались словами. В то время в Англии не существовало апелляционного суда, и потому формально некому было пересматривать дело. Тогда Конан Дойл решил найти настоящего преступника. Он отправился в деревню Грейт Вирли собирать доказательства.

И вдруг Конан Дойл начал получать анонимные письма.

Сравнив эти письма с письмами, приписываемыми Джорджу, Конан Дойл пришел к заключению:

«На основании почерка я полагаю, что письма 1892 – 1895 годов написаны подростком, который к 1903 году вырос, однако ни почерк, ни метод выражения не изменился коренным образом. Я предполагаю, что этот человек и виновен в резне».

Конан Дойл обратил внимание, что с 1895 по 1903 год никто писем не получал.

Вернее всего, автор этих писем куда-то уезжал. Но куда? Писатель обратился к письму 1904 года. В нем автор несколько раз упоминает о море. Можно предположить, что он служил на каком-нибудь корабле. Да и последний выпад против Эдалджи-старшего в 1895 году исходил из прибрежного города Блекпул. Блекпул расположен по соседству с крупным портом Ливерпулем. И Конан Дойл принял этот вариант в качестве рабочей гипотезы.

Необходимо было обнаружить, где мог учиться автор письма. Конан Дойл обратился к архивам Вальсальской школы. Ключ от этой школы был подброшен вместе с мусором на участок священника. Подписаны письма именами разных учеников этой же школы. Кроме того, в письмах встречаются нападки на директора школы.

«Моим следующим шагом было выяснить: был ли в Вальсальской школе ученик, который а) не любил директора, б) отличался вредным характером, в) после школы ушел служить в море».

И вот что выяснил писатель: в Вальсальской школе учился между 1890 и 1892 годом некий Питер Гудзон. Гудзон был исключен из школы, потому что никто не мог с ним справиться. Он был известен тем, что подделывал письма и документы. Никогда не расставался с ножом. После исключения из школы Питер поступил учеником к мяснику. Там он научился резать скот. В конце декабря 1895 года Питер нанялся на корабль и ушел в море... Вернулся он домой в 1905 году и жил в деревне Грейт Вирли.

Конан Дойл нашел в деревне некую миссис Смолкинг, которая рассказала, что в 1903 году зашла как-то в дом к Питеру. Разговор зашел о преступлениях в округе. Питер подошел к шкафу, вынул оттуда большой нож, которым режут скот, и сказал:

– Посмотрите, вот этой штукой и зарезана вся скотина.

– Немедленно спрячьте нож, – сказала миссис Смолкинг. – А то я еще подумаю, что вы и есть преступник.

Питер спрятал нож в шкаф.

Впоследствии Конан Дойл раздобыл этот нож и переслал его в министерство внутренних дел. Больше того, Конан Дойл доказал, что все лошади и коровы были зарезаны в 1903 году именно этим ножом.

Выяснилось также, что вначале Питеру помогал писать письма его старший брат – вся семья Гудзонов острой ненавистью ненавидела «цветных» Эдалджи.

Все улики, собранные в деревне, Конан Дойл переслал в министерство внутренних дел, которое было вынуждено создать специальную комиссию для пересмотра дела Эдалджи. Писатель не сомневался, что дело будет выиграно.

– Мне осталось только пригласить Джорджа к себе на свадьбу, – писал он.

В мае было опубликовано решение комиссии. Комиссия признавала, что Эдалджи был неправильно обвинен в преступлении, но, с другой стороны, комиссия продолжала считать, что Джордж мог быть автором анонимных писем. «Несмотря на то что он не виноват в преступлении, он до какой-то степени виноват в тех неприятностях, которые ему пришлось пережить». Поэтому комиссия признавала, что Джордж должен быть оправдан, однако в компенсации за трехлетнее заключение ему было отказано, потому что он сам якобы был виновен в том, что его арестовали.

Другими словами, комиссия пошла на компромисс.

Общественное мнение страны, убежденное Конан Дойлом в полной непричастности Джорджа к этому делу, было возмущено. Последовали ядовитые запросы правительству в палате общин. Общество юристов единогласно постановило восстановить Эдалджи в правах. «Дейли телеграф» объявила подписную кампанию сбора средств в пользу Джорджа.

А Конан Дойл, едва владеющий собой от возмущения, бросился в министерство внутренних дел.

– Вы, очевидно, полагаете, что Джордж Эдалджи сумасшедший? – требовал он ответа.

– Нет, не полагаем.

– Тогда вы считаете, что он и мне посылал угрожающие письма?

– Обратитесь к докладу комиссии. Мы ничего не можем добавить.

Но Конан Дойл не сдался. Он выступил с серией статей «Кто написал письма?». Писатель раздобыл образцы почерков Джорджа и Питера Гудзона, подозреваемого в преступлении, привлек крупнейших экспертов-графологов, в том числе и тех, кто выступал на стороне защиты в деле Дрейфуса. Мнение экспертов было единогласным: авторами писем являются Питер Гудзон и его брат.

В ответ министерство заявило, что оно не собирается открывать дела против Гудзона. Дальнейшего расследования не будет.

В конце того же года в газетах появились сообщения: «Женитьба сэра Конан Дойла».

На свадьбе присутствовали только самые близкие друзья. Среди них был гость, которого встретили особенно тепло. Это был Джордж Эдалджи.

Эдалджи, который принес в подарок новобрачным однотомники Шекспира и Теннисона, был смущен тем, что общее внимание приковано к нему.

И на вокзале, перед тем как поезд увез Конан Дойла в свадебное путешествие, он подошел к Артуру и тихо сказал:

– Я счастлив. Мне вообще-то повезло.

В том же году не без усилий Конан Дойла в Англии был создан наконец апелляционный суд.

Сокр. Пер. И. Можейко. Илл. С. Прусов